

18+

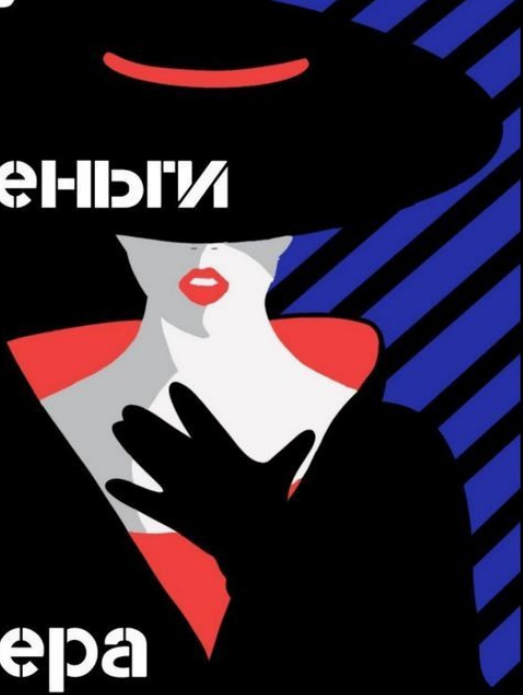
БУКВЫ

ДЕНЬГИ

2

ПЕРА

ВТОРОЙ СЕЗОН

Александр Гусев
Буквы. Деньги.
2 Пера. Второй сезон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58859843

ISBN 9785005146984

Аннотация

В этом сборнике собраны лучшие рассказы, написанные в рамках писательского турнира «БУКВЫ. ДЕНЬГИ. 2 ПЕРА» (второй сезон). Турнир проходил летом 2020 года в Instagram, снова собрав вместе молодых и опытных писателей. Эта антология под любой жанровый вкус и настроение. Задуматься и посмеяться. Слегка испугаться и просто насладиться моментом. Отправиться в фантастические миры и взглянуть в наше настоящее по-новому. Что из этого твоё? Решай сам. Мы же говорим: «Приятного чтения»! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	5
Беглянка	7
Дом у обрыва	11
Яркое сияние сварки	15
Чувствую тебя	20
Туман	28
Девочка	33
Картина	38
Хроники фотографии	43
И смех и грех	49
Когда я стану кошкой	55
Коля	61
Второе дыхание	67
Марфин корень	73
Приёмная	81
Несмотря ни на что	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Буквы. Деньги. 2 Пера

Второй сезон

Редактор Александр Гусев

Редактор Лиза Глум

Редактор Жанна Ди

Редактор Настя Бонс

Редактор Юлия Волшебная

Редактор Алекс Бэнг

Корректор Лиза Глум

Дизайнер обложки Жанна Ди

Дизайнер обложки Александр Гусев

© Жанна Ди, дизайн обложки, 2021

© Александр Гусев, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-4698-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Здравствуй, читатель!

Меня зовут Александр Гусев (Instagram: @writer_gus). Летом 2019 года я организовал первый литературный турнир «Буквы. Деньги. 2 пера».

Перед тобой сборник лучших рассказов по итогам второго сезона турнира БДП. Авторы, чьи имена ты найдёшь в этом сборнике, целый месяц лета 2020 сражались в драматургических боях, искали вдохновение в привычных вещах и создавали свои произведения.

Каждый из них – это кладёшь историй, неповторимых, ярких, глубоких и удивительных. И я бесконечно благодарен судьбе, что эти талантливые люди появились в моей жизни.

Отдельное спасибо хочу сказать коллегам по судейской скамье:

Лиза Глум @lizaglum – корректор, корреспондент.

Настя Бонс @axioma_writer – писатель.

Жанна Ди @zhanna. pisatel – писатель, тренер ТРИЗ.

Юля Волшебная @wolshebnaja – писатель.

Алекс Бэнг @writer_alex_bang – писатель, сценарист.

Без вас у меня бы ничего не получилось!

Я абсолютно точно могу сказать – творчество есть внутри каждого! Сотни пульсирующих героев, идей, событий. Сотни комедий и драм. Всё это ты, дорогой читатель этих строк!

И если ты когда-нибудь задумывался, что хочешь написать или рассказать свою историю – просто найди НАС в Инстаграм. Ведь без тебя этой истории никогда не будет!

«Какой бы беспросветной ни была тьма твоих сомнений, где-то в мире есть маяк, способный развеять мрак и помочь найти дорогу».

Альберт Эйнштейн

Александр Гусев

Беглянка

Айса Унгарлинова @aysa_story

Марина бежала по ночному лесу. Позади раздавались крики преследователей. Деревья и кусты неприветливо встречали девушку, нанося многочисленные порезы и царапины на нежное тело. Тонкое летнее платье колыхалось в разные стороны и разрывалось при малейшем соприкосновении с веткой. Длинные распущенные волосы цеплялись за сучья.

Марина всматривалась в непроглядную тьму в поисках тропинки. Однако со всех сторон её окружали косматые деревья с корявыми ветками – точно старые ведьмы с острыми когтями.

Встреча со страшной колдуньей представлялась Марине лучше, чем подчинение мерзким извращенцам. Как только девушка замедляла ход, мужские голоса становились громче и ближе.

– Ну где же ты, красотка? Иди к папочке! Я тебя всё равно найду! – с издёвкой кричал один голос.

– Хватит прятаться, детка! Тебе от нас никуда не скрыться! – подхватил второй.

– Она хочет, чтобы мы её наказали. И мы её накажем, – рассмеялся третий и выстрелил несколько раз в темноту.

Звуки выстрелов оглушили Марину. Барабанные перепонки вздрогнули, и девушка на секунду потеряла равновесие. Пошатнувшись, она обхватила руками ствол ближайшего дерева и присела. Густые заросли дикого кустарника на время укрыли беглянку.

Марина притаилась в кустах. Заныли раны и ссадины. Только сейчас она смогла ощутить всю боль – не только физическую, но и душевную. Мысли о том, что могут с ней сотворить мучители, сводили её с ума.

Время тянулось бесконечно долго. Голоса затихли. Неутомимые преследователи потеряли из виду свою жертву и ушли в неправильном направлении.

«Сидеть в укрытии до утра или искать выход сейчас? Лучше сейчас, пока темно. Вероятность пройти незамеченной ночью высока», – подумала беглянка и покинула временное убежище.

Марина выбрала направление, противоположное тому, куда отправились преследователи. Ей казалось, она наметила верный путь. Каково же было потрясение, когда она наткнулась на своих обидчиков на опушке леса! «Друзья по интересам» сидели на сухих брёвнах и спокойно курили.

– А вот и наша красота! Сама к нам пожаловала! – обрадовался здоровенный парень, увидев Марину.

Беглянка никак не ожидала снова встретить этих садистов. Она мгновенно развернулась и бросилась обратно в лес.

Погоня сопровождалась криками, истерическим смехом, свистом и выстрелами в темноту. Казалось, травля лишь подзадоривала молодых людей. Они, словно охотники, преследовали свою добычу и загоняли её в ловушку. Марина бежала изо всех сил. Ноги сами неслись, огибая частые фигуры деревьев. Руки проворно раздвигали колючие ветки, выросшие на пути. Глаза впивались в чёрную глушь, высматривая заветное спасение.

Внезапно перед глазами возникла избушка, как в сказке. Марина не раздумывая проскочила в незапертую дверь старого дома. Внутри оказалось темней, чем снаружи. Разобрать, что и где находится, девушка была неспособна. Удалось лишь нащупать пустую необставленную стену. Беглянка опустилась на пол, обхватила исцарапанные колени руками и забилась в угол.

Снаружи слышались голоса. Кто-то предлагал проверить избушку. К дому приближались тяжёлые шаги. Марину сковал леденящий страх. Сердце учащённо забилось. Она пыталась вспомнить хоть какую-нибудь молитву, но не смогла.

Скрипнула входная дверь. На пороге показался здоровенный парень.

– Я знаю, что ты здесь, красавица! – раздался неприятный мужской голос. – Ты, видимо, хотела поиграть. Я люблю игры, но сейчас уже подустал и советую тебе выходить. Только без шуток!

Марина замерла. Она была готова к самому ужасному финалу.

Включился фонарик. По стенам предательски забегал лучик света. Он быстро обнаружил беглянку.

– А вот и ты, моя сладкая! Я всё-таки тебя нашёл! – растянулся в улыбке мерзкий тип. – Ты меня боишься? Не бойся! У нас ещё будет время познакомиться поближе.

Марина уткнулась головой в колени, не желая видеть и слышать того, что с ней будет дальше.

Здоровенный парень приближался. Запах пота и сигаретного дыма ударил в нос и повис в воздухе. Здоровяк наклонился, грубо сгрёб свою жертву в охапку и покинул дом.

– Ну и как вам сюжет? Справитесь с ролью Марины? – спросил новоявленный режиссёр студентку театрального, склонившуюся над чтением сценария.

– С удовольствием попробую, – улыбнувшись, ответила молодая актриса, – я ещё не дочитала.

– Почитайте. Вам обязательно понравится продолжение, красота моя, – сказал он, и его губы скривились в едва заметной улыбке, понятной только ему.

Дом у обрыва

Елена Кокова @leka_abakan

Мужчина стоял у самого края обрыва и смотрел на реку. Он был высокий, хорошо сложенный, с длинными ногами и крепким торсом. Руки его, привыкшие к физическим нагрузкам, с шершавыми, застарелыми мозолями сейчас упирались в бока. Глаза он прищурил и напряжённо вглядывался, стараясь рассмотреть название небольшого судна, которое причалило.

От катера отделилась фигура и стала подниматься по крутой тропинке по направлению к нему.

– Что он делает здесь в глухомани, как думаешь? – спросила женщина. – На сотни километров ни одной живой души.

Мужчина сплюнул на землю и коротко сказал: «Посмотрим». Отдуваясь, к нему наверх взобрался человек.

– Ну и погода, а? Я уж думал, придётся мне на скалах пережидать. И тут везение – увидел ваш дом. Приютите на ночь? Я Егор.

Мужчина смотрел на Егора и молчал так долго, что тому стало даже неловко.

– В такой глуши закон взаимопомощи всегда выручает, – наконец ответил он. – Меня зовут Иван. Добро пожаловать, –

и пошёл к дому. Егору ничего не оставалось, как последовать за ним.

Этот дом, а скорее, хижина на высоком обрыве, был единственным жильём по пути в тайгу. До крайнего населённого пункта отсюда было три дня на моторной лодке против течения. Хижина была как ориентир, что началась непроходимая таёжная зона.

Ужинали в тепле. Уютно трещали дрова, крепкий чай согревал сердце в эту непогоду, которая рвала ветром тайгу за стенами дома. Шторм и впрямь разыгрался нешуточный, и Егор благодарил небеса, что ему так повезло с ночлегом. Лениво тянулся вечер, как это обычно бывает в непогоду; разговоры тоже были такие же тягучие, ленивые, с длинными паузами. Спать разошлись довольно рано.

– Как думаешь, завтра он уедет? – спросила она. – Вот бы пораньше встал и отчалил. Давай помечтаем, какой завтра будет день?

– Мммм? – лениво отозвался Иван.

– Я проснусь поздно, потому что мы будем сегодня долго заниматься любовью. Думаю, что наш гость уже уедет к этому времени. Интересно, зачем он едет в тайгу один? Хочет одиночества?

Иван повернулся на бок и посмотрел на неё. Какая же она красивая! Молодая, как и прежде. И родная. Он настолько привык к ней, что часто не замечал её присутствия.

– Давай спать, – сказал он и потушил свет.

Утром за завтраком, перед тем, как отправиться в дорогу, Егор спросил:

– Чья могила там за домом? Ваш отец? На кресте нет надписи.

Иван, как обычно, помолчал, а потом просто кивнул.

– Ну ладно, спасибо вам за ночлег. Погода хорошая, надо спешить, пока светло. Наломала непогода дров, видели? Зато не нужно деревья валить самому. Напил, сложил и красота!

Провожая, Иван, как вчера, стоял у обрыва и прищурившись смотрел, как его гость спускается по крутой тропинке. Завёлся катер, Егор махнул рукой и пошёл вниз по течению.

– Зачем он спросил про могилу? – с волнением в голосе спросила женщина. – Как думаешь, он догадался? Да? Догадался?!

– Этого мы уже не узнаем, – ответил он.

Придя в дом, он задержался на пороге, окинул взглядом небольшую комнату, где вчера они сидели и пили чай. Вспомнил всё, о чём говорили, и успокоился. Не было ничего такого, что выдало бы его: ни словами, ни поведением он не скомпрометировал себя.

Она сидела в кресле, красивая, воздушная. Он шагнул мимо и, обогнув дом, прошёл к могиле. Женщина уже стояла у креста, ждала его, как делала это каждый день.

– Так хорошо сейчас дышится после грозы. А я, гляди,

мёртвая, милый. Зачем ты убил меня?

Иван постоял у её могилы и пошёл в дом. Увидел её на ковре: она сидела, поджав ноги, у огня. «Мой милый, ты запри двери. Молчи и обнимай меня крепче». Иван шагнул к ней.

Яркое сияние сварки

Елена Азарова @strikuliazh

Обо мне написали в газете. Точнее, о соревнованиях рабочих «Почувствуй себя профессионалом», где я заняла первое место среди сварщиков.

Заметка в «Маяке» получилась небольшая, а фотография – шикарная, достойное украшение первой полосы. Я в центре группы победителей и призёров, в руках цветы, у ног куча коробок с подарками. И подпись зачётная: «Полина Стебелькова, электрогазосварщик 6 разряда: варю не только борщи, но и подводные лодки».

Соревнования областные, я единственная женщина – представитель профессии. С парнями состязаться было интересно, но я их сделала! Теперь, как сказал председатель судейской комиссии Сушкин, я буду отстаивать честь региона на уровне федерального округа.

Эх, как бы я хотела, чтобы радость мою родители разделили. Но это невозможно. Отец умер несколько лет назад. А мама болеет. Проклятый Альцгеймер! На днях велела мне заплести косы и надеть белую блузку вместо сарафана, в котором я собирала вишни в саду: «Негоже, Полина, с открытыми плечами в школу ходить». Иногда она помнит события более поздние, но в основном живёт во времени моего дет-

ства, когда они с отцом забрали меня из дома-интерната.

Своих биологических родителей я никогда не знала. По рассказам мамы, в моём личном деле была заметка из районки – «Полинкина беда», где говорилось, что восьмимесячную девочку оставили в корзинке на крыльце приюта. Прилагалась записка с именем и возрастом. Корреспондент провёл небольшое расследование. Выяснил, что горе-родители – бывшая ткачиха и мужчина с большим тюремным опытом. Воровали, грабили. Дальнейшая судьба их туманна, вроде бы сгинули в местах не столь отдалённых.

Впервые я украла во втором классе. Это были бусы. Очень хотелось понравиться неформальному лидеру Костику Позднякову. И вот сижу я такая красивая в бусах на уроке иностранного. Как сейчас помню, рассказываю о фруктах и ягодах, которые на картинке в учебнике. Какие из них я люблю, а какие нет. Из предложенного я банан только один раз пробовала, ну и вишни с яблоками. Размышляю о персиках и абрикосах, а тут влетает наша директриса с поварихой. И последняя как завизжит да бросится ко мне.

Бусы сорвала, матом обругала и ушла. Скажите, зачем ей бусы? У неё и шеи-то нет, одна головогрудь... И бус у неё полно, я в её шкатулке пошерстила.

На первый раз простили. Беседы долго вели, что чужое брать нельзя. Может, я и не брала бы, да своего у меня ничего интересного не было. Эту несправедливость я исправляла при любом удобном случае. Отовсюду возвращалась с до-

бычей. Брала по мелочам, была неуловимой. Мне досталась внешность отличницы. Никто и подумать не мог, что Полин-ка могла в музейной раздевалке карманы почистить, когда за своим носовым платочком ходила.

В четвёртом классе я пацанов организовала, и мы киоск грабанули. Кому что, а я конфетами затарилась. Делилась с подружками, а они меня заложили. Ох, что было... Прибегал к директрисе дядя Дато, это его киоск был. Требовал от неё товар либо деньги. Не знаю, как она этого горячего чела остудила.

Меня тогда решили в школу для трудных детей отправить. «Шанс» называется. Слава богу, не срослось. Шанс мне дали родители. Маму из поликлиники командировали к нам на время отпуска штатной медсестры. На её глазах всё было. Это не испугало добрую женщину, она взяла меня на выходные домой. Как мне у них понравилось! И дальше я стала к ним ходить. Мама меня убирать, готовить, вышивать научила, отец – мужским делам. Жизнь моя изменилась. Она наполнилась любовью и теплотой, хорошими людьми и ощущением счастья.

Честно скажу, не всё гладко было. Характер у меня ершистый, да и привычка прикарманить чужое сидела тихо до определённого момента. Я и к мамке в кошелек залезала, и папкин инструмент загнала интернатским. Потом сознавалась, каялась. Они прощали и удивлялись. Ведь у меня было всё, что я хотела, и даже больше.

В середине пятого класса родители собрали документы и удочерили меня. Я стала Стебелькова, как они. Кто только не был против этого благородного поступка. Директриса подводила глаза к небу и тяжело вздыхала. Классная руководительница утверждала, что от осины не родятся апельсины. Повариха вставила свои пять копеек, что, мол, такой заворуйки, как я, она в этом интернате за тридцать лет работы не встречала. И мои воровские гены никакой любовью не исправишь.

К счастью, они ошиблись. Я стала хорошей дочерью. С воровством завязала назло всем недоброжелателям. Моё прошлое осталось давним сном.

После школы мама советовала пойти в педучилище. Отец проявил настойчивость и взял на завод. Посчитал, что учительство больших денег не принесёт, а рабочая профессия прокормит. Он был прав. Доказывать, что я не лыком шита, поначалу пришлось многим. Помогла суровая интернатская закалка.

Сварка – это завораживающее зрелище! Что может быть круче, чем плавление металла? Я люблю свою работу. Двадцать лет свариваю сложные и простые конструкции в горячих цехах и на высоте. Мой упорный труд привёл меня к тому, что я стала лучшей. А ведь пророчили мне другую судьбу.

Звонок в дверь прервал мысли. На пороге стоял незнакомец. Он чем-то был похож на меня. Такие же светлые воло-

сы, карие глаза и пухлые губы. А ещё – взгляд с прищуром.

– Привет, Полюха! Приятно познакомиться, я твой единокровный брат Михай. Тянуть не буду, давно тебя ищу. Нужна нам на дело хорошая сварщица, – мужчина сверкнул золотым зубом...

Чувствую тебя

Изабелла Погосова @isabella_pogosova

– Ай, куда я снимаю?! – возмутился Серёга, увидев, что нечаянно включил внешнюю камеру, а не камеру для селфи.

В перерыве между парами он решил сделать селфи и выложить в инсту. Я смотрел на него с улыбкой. Мне смешно и непонятно его самолюбование. Да, он красивый парень, рост под два метра, ходит в тренажёрный зал, всё качает свои кубики и бицепсы. Весь из себя любимчик почти всех девушек курса. Но... есть в нём какая-то необъяснимая черта, которая меня настораживает. Он вспыхивает, словно порох...

– Ты какого лыбишься? Я чёт стрёмное сказал? – взъерошил Серёга волосы, задавая вопрос.

– Нет. Всё ок, – отвечаю и перевожу взгляд на Катю, самую симпатичную и классную девушку с нашего потока. Серёга проследил за моим взглядом и скептически усмехнулся.

Я его понимаю. Ну конечно! С ним мне никак не сравниться. Ростом я не вышел – всего, как говорят, метр с кепкой. Бицепсов и кубиков нет. Хвастаться физическими крутяками никак не могу. Тощий хилак, как говорится, тщедушный. Рядом с загорелым Серёгой выгляжу бледной поганкой. Случилось так, что на экзаменах при поступлении мы с ним оказались рядом. В комнате в общежитии наши кровати

тоже рядом. Вообще-то мне кажется, Серёга спецом со мной рядом, только вот честно, не могу понять его фишки. К чему я ему нужен? В чём его тема? Но тем не менее он везде тягает меня за собой, уговаривает всеми правдами и неправдами.

Серёга подсел ко мне и заговорил шёпотом, доверительно.

– Влад, слушай сюда, на Катьку не цепляйся. Усёк?

– Я и не цепляюсь. С чего ты взял? – отвечаю.

– Вот и отлично, друг. Верной дорогой двигаешься, товарищ, – пошутил он и направился в сторону девчонок, окруживших Катю.

– Катрин, детка, ты не против похода в кино? Приглашаю! – громогласно на всю аудиторию изрёк Серёга.

Катя обернулась в удивлении и приподняла бровь:

– С какой радости?

Серёга немного стушевался. Не ожидал, видимо, отказа. Я довольно хмыкнул.

– Ты это... ты чего? Типа против? Я к тебе со всем своим мужским уважением... Я ж тебя не в комнату в общаге позвал, а на культурное мероприятие, – продолжил Серёга свой подкат.

– Сергей, отстань от меня, а! – ответила Катя. – Твои пи-каперские замашки оставь при себе, на меня они не действуют.

– Чегооо? Это что за словечко ты применила? – сдвинул брови Серёга.

Девочки приснули. Все мы понимали, что в наш физи-

ко-технический его приняли не из-за знаний, а из-за спортивного навыка. Волейболист, как-никак! В ВДВ служил, не то что я, водилой в штабе.

Серёга ретировался и опять подсел ко мне.

– Слышь, Влад, что это за словечко она в меня киданула? Это оскорбление или как? – озабоченно спросил он.

– Ну это как посмотреть! – отвечаю. – Пикаперами называют парней, которые цепляются к девушкам ради того, чтобы затащить их в постель.

– Аааа! Не, ну я, конечно, не против бы был, но я ж её в кино звал, а не в койку, – возмутился он.

Весь первый семестр Серёга не оставлял попыток сблизиться с Катей. Однажды после очередной пары мы вышли во двор института, и он, разозлившись на очередной отказ, прижал её к стене, пытаясь поцеловать. Звонкая пощёчина была ему ответом:

– Ты debil? Умом тронулся?! Недоумок!

Серёга потёр щёку, глядя вслед Кате:

– Влад! Что за дребедень? Чего она со мной, как с вирусным?

Меня так и распирало от гордости за мою пассивность. Ну да! Она мне очень нравилась. Только я понимал: уж если красавчика Серёгу отшивает, то куда мне, его бледному размытому фону, со своим рылом да в калашный ряд! Кстати, удивительное дело: Катя время от времени косила глазки в мою сторону... Иногда просила что-то разъяснить или

дать лекцию переписать... У Серёги в такие моменты желваки на скулах дёргались от злости.

– Слышь, Влад, у меня завтра днюха! Соберём тусу, гульнём... фуршет организуем, то да сё... Шепнёшь Катьке, пусть приходит с подружками, – однажды сказал он.

– Серёга, да ладно! А бабки на продукты? Стипендия нескоро... – засомневался я, но и обрадовался предстоящему веселью.

– С бабками без проблем, родяки прислали, да и от прошлой игры ещё бабосики остались! Ты за это не думай. закажем пиццы, гирос, салатиков... Тортик девочкам не забудь, – воодушевился Серёга, доставая из кармана две пятитысячных. – Ты это, бухла возьми побольше, коньячку, водочки, а девочкам – шампусика.

– Ок, – говорю, – сделаем по первому классу.

Студенты – народ весёлый и на подъём лёгкий, а на халюву покуролесить – так это завсегда пожалуйста. Набились мы у нас в комнате, как зёрна в гранате, но ничего, в тесноте да не в обиде. Девчонки тоже пришли, правда, их было в два раза меньше, чем нас... Что поделаешь, институт у нас такой, не очень девчочковый. Часа через три все были уже такие родные и близкие! Я осмотрелся, хотел Катю на танец пригласить. Ага! Осмелел под действием коньячка, на пять звёзд себя почувствовал.

– А Катя где? – спрашиваю её подругу.

– Где-то здесь, – отвечает и так зазывно улыбается мне,

я аж весь подтянулся от радости, что и на меня обращают внимание. Вышел и пошёл по коридору. Смотрю, за углом Серёга стоит, руки в стену впечатал, а Катя к стене прижата и что-то ему говорит. Я подошёл ближе, прислушался...

– Да пойми ты, Сергей, не нравишься ты мне. Не люблю я таких...

– Это каких же? Я что, страшный или мерзкий? Каких таких? – спрашивает Серёга, а сам всё сильнее её к стене притискивает.

– Да вот таких, как ты! Уверенных в своей неотразимости, наглых и недалёких. Знаешь, что я о тебе чувствую? – смело спросила Катя, глядя снизу вверх уверенным, спокойным взглядом. – Да не держи меня, убежать не собираюсь. Давай поговорим, я вижу, ты несильно пьян. Сооброжалка ещё работает. Пойдём на балкон. Есть сигаретка?

Серёга кивнул и отступил назад.

– Ребята! Вот вы где? А я смотрю, вас нет! – притворился я сильно пьяным. – А вы куда?

– Влад, ты же знаешь, банально, но третий лишний, – буркнул Серёга.

– Не притворяйся, Влад, я чувствую тебя, – тихо сказала Катя. – Ты нам не помешаешь.

Мы втроём двинулись к общему балкону, на который был выход в конце коридора. Серёга достал сигареты, протянул Кате.

– Ты же не куришь! – удивился я.

– Да, не курю, но иногда балуюсь, и сейчас захотелось, – улыбнулась Катя. – Знаешь, Влад, смешной случай у нас происходит. Вот Серёга, – она показала рукой с зажатой сигаретой на моего соседа по студенческой жизни, – брутал, вопросов нет, а на твоём размытом фоне так вообще дар судьбы, – она рассмеялась.

Сергей тарасился на неё, ничего не понимая. Если честно, я и сам был в непонятках. Катя затянулась и выпустила дым в звёздное небо. Майская ночь баловала теплом. Я чувствовал, что впереди меня ждёт что-то невероятное.

– Ты мне нравишься, Влад! Серёга – брутал физически, а ты брутал – душою. Второе меня больше привлекает. Я вспоминаю, как ты однажды сказал: «В конце концов всё будет хорошо. Если нехорошо, значит, это не конец». Меня поразила эта твоя фраза, поразила глубина души твоей. Я хочу быть с тобой, Влад, именно с тобой, – положила Катя руку мне на грудь.

– Да ну на фиг?! – округлил глаза Серёга. – Ты влюбилась в эту серую пустоту? – толкнул он меня в лоб.

– Ошибаешься! Я влюбилась в очень сильно выраженную доброту и благородство его души. И? Влад, что скажешь? – повернулась она ко мне.

Ответить я не успел... Серёга впечатал кулаком с такой силой, что я подлетел и перелетел через перила... Мой самый счастливый день мог оказаться последним днём жизни для меня, но сработал инстинкт самосохранения... Я уце-

пился за перила и повис... Катя схватила меня за руки. Она что-то кричала и пыталась затянуть меня назад. Серёга в секунду протрезвел и тоже кинулся на помощь. Вдвоём они затащили меня на балкон... и мы повалились без сил на бетонный пол. Я не знаю, сколько времени лежал, устремив благодарный взгляд в небо. Катя с Серёгой тоже не торопились вставать.

Я встал. Заглянул за перила вниз. Пятый этаж, а внизу кусты жасмина... И такой от них волшебный аромат!

– Влад, – подал голос Серёга, – ты это, не психуй. Я не знаю, меня переключило...

Он что-то ещё говорил, говорил, но я его не слушал. Подошёл к Кате. Она сидела на полу и тихо плакала, закрыв лицо руками. Острые девичьи плечи вздрагивали, словно в ознобе.

Кать, Катёнок, всё хорошо, не реви, ну? Всё прошло, – поднял я её и прижал к себе. Её трясло. Вдруг она вырвалась из моих рук и стала молотить руками Серёгу в грудь, сопровождая удары криками:

– Подлец! Тварь завистливая! Идиот! Дебил!

Я обнял её, и она притихла, всхлипывая:

– Я ведь могла тебя потерять, понимаешь?

– Всё, моя девочка, тихо, моя хорошая. Я ждал и верил, что когда-нибудь наши сердца будут рядом. И надеюсь, что это до конца жизни...

Я вдохнул родной запах любимой. В этот миг я понял, что

такое быть счастливым.

Туман

Мария Собчишина @m_sobchishina

Раньше Нюра обязательно начала бы плакать, звать маму и уж точно никуда не пошла. Но то было раньше. До войны. А сейчас... Нюра даже не знала, жива ли мама с младшей сестрёнкой или нет. Слезы стояли комом в горле, и в голове стучало, как молоточком: «Ма-ма! Ма-ма! Ма-ма!»

Фашистские самолёты бомбили не переставая. Из вагона, в котором они ехали, все повыскакивали и смешались единой толпой с людьми из других вагонов. Все бежали, тащили детей, которые даже не плакали, а орали на одной ноте. Нюре казалось, что дети перекрикивали грохот рвущихся снарядов. Она бежала за мамой, которая несла на руках Светочку. Девочка видела впереди мамину синюю клетчатую юбку, но когда они на минуту остановились и девочка подняла голову, оказалось, что это чужая тётя.

Конечно, Нюра испугалась и уже собралась заплакать, но женщина, за которой она бежала, наклонилась к ней и быстро заговорила:

– Не плачь, не плачь, деточка, сейчас всё успокоится, и мама тебя найдёт. Пойдём быстрее отсюда. Надо до леса добежать. В лесу не так страшно.

Нюру пихали со всех сторон. Женщины, старики с ма-

ленькими детьми – все пытались спрятаться от пикирующих бомбардировщиков. Девочке казалось, что за каждым человеком охотится свой самолёт. Гул самолётов переходил в тяжёлое взвизгивание, и тогда рядом раздавался взрыв, люди падали смешно, и от этого ещё более страшно раскидывая руки и ноги. Остальные метались, не понимая, в какую сторону бежать.

Нюра мчалась что было сил. Так она и очутилась в лесу. Одна. Где были все остальные люди, Нюра не понимала. «Не могли же всех убить, – думала она, – или могли? Куда мне идти? Или нужно остаться и ждать маму?»

Не дождавшись ни одного человека, Нюра решила пойти поискать людей. Разбомбленный поезд полыхал, и около него лежали только тела и разбросанные вещи. «Если та женщина сказала, что надо бежать в лес, то, наверное, все туда побежали. Надо просто всех найти».

Нюра встала и пошла по просеке. Девочка попыталась кричать в надежде, что её кто-то услышит, но на её крик отозвалось только эхо. Вдруг послышался то ли плач, то ли крик. Нюра бросилась на звук. На земле лежала женщина, которую она спутала с мамой. Женщина лежала, свернувшись калачиком, будто хотела согреться. Клетчатая юбка почему-то была бурая и влажная. А рядом сидел малыш.

– Что с вами? Вставайте, – Нюра подбежала и схватила женщину за руку. Рука была тёплая, но обессиленная. – Как хорошо, что я вас нашла. Пойдёмте.

– Пожалуйста, не бросай Юрочку. Не бросай Юрочку, – женщина открыла глаза, стараясь сфокусироваться на лице девочки.

– Тётянька! Не умирайте, тётянька! Как же я одна буду?! – Нюра смотрела в глаза незнакомой женщины, и ей казалось, что она видит, как жизнь уходит из них. – Тётянька, не умирайте, не умирайте, тётянька! А как же я? Мне ведь только девять лет. Осенью будет девять лет, – она не хотела верить, что осталась одна.

Сколько она просидела рядом с умершей женщиной, Нюра не знала. Малыш стал плакать, она взяла его на руки и поняла, что долго нести его не сможет. Нюра осмотрелась и сняла с женщины большой платок, завязала его на цыганский манер и усадила туда Юрочку. Стало чуть легче.

«Остановливаться нельзя. Нужно идти вперёд. Если я никого не встретила, значит, все ушли далеко вперёд. Надо идти, чтобы их догнать. И если тут просека, она должна меня куда-то привести».

Тут-то её и застала ночь и туман. Туман был как живой. Он нависал влажным, подпахивающим болотом одеялом и противно трогал за лицо. Хмарь была плотная, будто взбитый серый мусс. У Нюры было ощущение, что она плывёт в очень мутной воде. Впереди ничего не было видно, даже кончики пальцев вытянутой руки.

Где-то вдалеке были слышны раскаты боя. «Я не знаю, куда идти и что мне делать». Силы уходили, а сколько ещё ид-

ти, было непонятно. Нюра всматривалась во влажную вязкую темноту. И тут она увидела отца. Она не могла его перепутать – отец был в расстёгнутом кителе, под которым виднелась тельняшка. Туман обволакивал его со всех сторон, но его лицо было чётко видно.

– Папа?!

– Нюра, ты очень храбрая девочка. Я горжусь тобой, – отец улыбнулся ей. – Ничего не бойся. Скоро закончится ночь, и туман рассеется.

– Папа, не уходи! – только и успела крикнуть Нюра. Туман поглотил видение.

Юрочка, пригревшись, уснул. Нюра вздохнула и пошла туда, где видела отца. Ей показалось, что стало немного легче. «Папа сказал, что скоро кончится ночь и тумана не будет. Надо немного потерпеть».

Но время шло, а вокруг стояла мгла. Пальтишко у Нюры промокло и совсем не грело. Только от малыша шло уютное тепло. «А если здесь вовсе нет жилья? Мы тогда умрём здесь. Надо было идти вдоль рельсов».

Нюра чувствовала, как страх подкрадывается к ней. Казалось, из туманной пелены к ней тянут руки чудища. Она попыталась бежать, но споткнулась и еле удержалась на ногах. Когда она подняла голову сквозь марево увидела маму. Вокруг всё было размыто, а мама стояла со Светочкой на руках – протяни руку и дотронешься.

«Девочка моя! Как же ты бедная тут одна? Но ты у меня

молодец. Не трусишь! Храбрый заяц! – улыбнулась мама. – Потерпи чуточку. Ещё немного и выйдешь к людям». Нюра шагнула к матери, но та пропала в тумане.

– Всё будет хорошо. Ты слышишь, Юрочка? Если мама сказала, значит, скоро мы придём к людям. Мама никогда не обманывает.

Нюра сделала несколько шагов, и вдруг ей показалось, будто тусклый огонёк промелькнул где-то вдалеке.

– Юрочка, там огонь! Мы пришли к людям, – она говорила, будто малыш мог её понять.

– Деточка! Откуда же ты? Да что ж это творится! Господи, спаси и помоги! – старушка открыла дверь, и на Нюру пахнуло домашним теплом. – Дед! Дед! Давай иди помогай! Нам Бог двух деток послал!

Девочка

Наталья Рогачева @natally_blog

После долгой прогулки по тенистому парку, где так чудесно было прятаться от летнего зноя за широкими ветвями размашистых дубов, я решила передохнуть. Присела на одну из уютных деревянных скамеек, расставленных вдоль длинной безлюдной аллеи и, наслаждаясь тишиной и редкими трелями соловья, не сразу заметила, как передо мной, будто из ниоткуда, возникла стройная фигура незнакомой девочки. На вид ей было лет пять. Одета она была в лёгкое ситцевое платье нежного лазурного оттенка. Приятное детское личико украшали такого же цвета глаза, их невероятную яркость оттеняли тёмные распущенные волосы.

– Малышка, ты почему здесь одна? – обратилась я к ней, а она лишь улыбнулась, протянула мне свою крохотную ручку и повлекла за собой.

Послушно следуя за девочкой по ровной дорожке, я постепенно стала ощущать под ногами пушистый травяной покров. Было удивительно, как быстро мы добрались до зелёной лужайки, расположившейся у самого входа в парк. Я начала внимательно оглядываться по сторонам. Где мы всё-таки с ней оказались?

– Не бойся, это Елисейские поля, – голос девочки был на-

столько приятным, что я не сразу поняла значение слов, заслушавшись его нежным звучанием.

– Милая, Елисейские поля во Франции! И мы сейчас точно не там, как бы сильно нам этого ни хотелось, – я грустно вздохнула, вспоминая о своей давней мечте, которую так до сих пор и не осуществила.

– Мы именно здесь, во Франции. На Елисейских полях, – уверенно произнесла девочка и указала рукой за мою спину. – Но в одном ты права: мы не в «сейчас». Мы в будущем, которое непременно наступит.

Обернувшись, я замерла, поражённая увиденным. Это действительно была Эйфелева башня, настоящая, высокая и величественная. Несколько лет я мечтала отправиться именно сюда, но всегда находились причины для переноса поездки. «Увидеть Париж и умереть», – пришла на ум замысловатая фраза, и я, словно ребёнок, быстро скинула босоножки и начала бегать босиком по мягкому зелёному ковру.

– Теперь твоя мечта осуществилась? – девочка смотрела на меня весьма серьёзно, будто пытаюсь анализировать несвойственное взрослым людям поведение.

– Ещё бы! – выкрикнула я, совершенно не обращая внимания на тот факт, что до сих пор не знаю, как в считанные минуты смогла телепортироваться из Москвы в самое сердце Парижа.

– Пойдём, – крепко сжав мою ладонь, ребёнок вновь потянул меня за собой в неизвестность. Я послушно следовала

за девочкой, ощущая лишь лёгкое предвкушение какого-то необыкновенного волшебства.

Внезапно вокруг нас стало оченьлюдно. Лица мелькали одно за другим, не давая возможности сосредоточиться. Я старалась не выпускать из виду свою юную провожатую, крепко держась за руку и не отставая от неё ни на шаг.

– Это же площадь Сан-Марко! – удивилась я, когда в очертаниях величественного здания напротив узнала знаменитый великолепный Собор.

Повсюду порхали откормленные голуби. Тысячи туристов, среди которых мы оказались, бродили с фотоаппаратами, стараясь запечатлеть себя в счастливом моменте.

– Ты права, мы в Италии. Ты ведь давно мечтала здесь побывать, – девочка не сводила с меня глаз, наблюдая за моей реакцией, на миг превратившись из пятилетнего ребёнка во взрослого, рассудительного человека.

– Ты знаешь обо всех моих мечтах? – подмигнула я и робко обняла её за хрупкие детские плечи.

Невероятная нежность к этой мудрой не по годам девочке накрыла меня словно снежная лавина.

– Еще об одной – точно! – хихикнула она и снова повлекла за собой.

На этот раз мы оказались в салоне просторного автомобиля. За рулём сидела я. Не зная, куда мы едем, я резко ударила по тормозам и вопросительно посмотрела на свою юную попутчицу, уютно устроившуюся рядом на пассажирском крес-

ле.

– Паркуйся, – она указала на стоянку возле небольшого салона цветов, и я безоговорочно исполнила её просьбу.

В изумлении я разглядывала вывеску с идеальным, на мой взгляд, названием, потом переключилась на витрину, оформленную с безукоризненным вкусом.

– Моя заветная мечта – открыть сеть цветочных магазинов. И если бы мне посчастливилось стать владелицей одного из них, он выглядел бы абсолютно так же.

– Этот салон цветов твой. Как и несколько других в этом городе, – закивала девочка, читая на моём лице удивление. – Ты смогла организовать свой бизнес, на заработанные деньги – купить машину и снова начать путешествовать. Это твоё будущее, и оно будет именно таким.

– Здорово, если так. Но зачем ты мне его показала? И почему выбрала именно меня?

– Я просто хотела, чтобы ты знала, что на пути к мечтам я не стану для тебя препятствием. Пожалуйста, мамочка, не лишай меня жизни, – девочка крепко ко мне прижалась, обвила шею хрупкими детскими ручками и уткнулась личиком прямо в моё лицо.

– Доченька... – внезапно вырвалось у меня, и я тут же проснулась от неожиданности.

Окинув взглядом комнату, я долго не могла прийти в себя. За окном по-прежнему было серо. Осенний дождь барабанил по крышам унылых московских домов. Улицы остава-

лись пустыми, лишь одинокая мужская фигура маячила вдалеке и давала надежду на то, что человечество ещё не вымерло подобно динозаврам.

Сон оказался настолько реальным, что я не могла думать ни о чём другом. Моё светлое будущее, мои исполнившиеся мечты, моя милая умная девочка. Как близко ты была и как внезапно исчезла...

Телефонный звонок выдернул меня из этих мыслей. Оператор медицинского центра чётко исполнял свои служебные обязанности, бодрым голосом он сказал:

– Мария Евгеньевна, доброе утро! Вы записаны к нам на завтра на процедуру по прерыванию беременности. Будьте добры, подтвердите запись.

– Яяяя... Я не приду. Отмените...

Несколько минут я молча сидела и не двигалась. Затем впервые спустила руку к низу живота и с нежностью провела по нему кончиками пальцев. Моя самая главная мечта теперь – ты, девочка с небесно-голубыми глазами...

Картина

Алёна Романова @lyonaromanova

Раскаты грома разлетались по округе, загоня жителей деревни по домам. Во дворе корова обеспокоенно замычала. Курицы спрятались между досками покосившегося сарая. И только старый хряк, которого хозяин пожалел и вовремя не зарезал, вальяжно развалился на крыльце, подпирая дверь в избу.

– Ох, батюшки, что ж делаеца! – причитала баб Маня, вытаскивая из печи горшок, наполненный вкусной пшённой кашей.

Бабкин дед Матвей и сторож Игорыч, только посмеивались в усы над пугливой старухой, что то и дело вздрагивала от каждого раската.

– Ты это, кашу на стол уж поставь-то! – ухмыльнулся дед Матвей и погладил рукой седую бороду. – А то не ровен час разобьёшь, да каша провалится в царствие подземное.

– Тьфу на тебя, – в сердцах бросила бабка, – накаркаешь! – но горшок осторожно поставила на стол да деревянные расписные ложки разложила по кругу.

– Хозяюшка, не ругайси, – пошёл на мировую Игорыч. – Мы ж не со зла! – важно подтвердил он, окидывая голодным взглядом вкусно пахнущую кашу.

– Приступим, – сказал дед Матвей, опуская ложку в горшок.

– Хошь историю расскажу? – с набитым ртом предложил Игорыч.

– Нет, – махнула на него полотенцем баб Маня, – ещё на-брешешь!

– Так это когда было-то! – защищаясь ложкой, возмутился он. – Дык я пьяный был. Не хотишь – дело твоё!

– Ты что на бабу-то смотришь! – стукнул ложкой по столу дед Матвей. – Сказывай, время-то не тяни.

Игорыч облизал со всех сторон ложку, грустно посмотрел на опустевший горшок. Баб Маня вздохнув, достала стопку свежих блинов с крынкой сметаны. А дед Матвей – бутыль, заполненную до краёв мутной жидкостью, со стаканами.

– Дело было, как говорица, ещё тогда, когда я жил в соседней деревне. Смотрел за домом помещика. Он на завтра хотел деревенских домой пригласить...

– Когда это было-то? – возмутилась бабка. – Как пить дать брешешь!

– Цыц, бабка, не перебивай! – прикрикнул на неё дед Матвей, что уже разливал брагу.

Игорыч важно выпрямился, одёрнул рубаху и, рукавом вытерев рот и усы, продолжил историю сказывать:

– Там картины всякие в рамах позолоченных с города привезли. Помещик местный решил культуру в деревне поднимать, чтоб народ не шибко на него жаловался. Стою, смотрю

на природу нарисованную и барышень в пышных платьях. А по центру комнаты на столе круглом чёрном с одной толстой ножкой прикрытая белой тряпкой возвышалась самая огромная картина.

Мне помещик и говорит: «Ты, Игорыч, под покрывало не заглядывай. Не надо тебе этого. Эта картина несчастливая. Пока довёз, пять раз пожалел, что согласился взять её в коллекцию!» Я-то сразу смекнул, что дело с картиной нечисто, хоть и не понял, что за коллекция така. Я, как полагается, в церковь ходил, свечку взял, под вечер её зажёл, молитву почитал. И спокойно лёг в своём закутке подремать до утра. Работа-то нехитрая. Кто ж из деревни в дом картины воровать полезет? Смехота да и только!

А на улице непогода разбушевалась, вот прям така, как нынче. Ветер пылицу поднял, тучи серые, тяжёлые, низкие пригнал. Воздух густой, что кисель. Да гром громыхал так, что думал, окна разлетятся! Неспокойно мне стало. Думаю, пойду гляну, как там эта их коллекция поживает. Захожу в комнату, а там кто-то сдёрнул тряпку-то с картины. Дык я ж не из робкого десятка, подошёл ближе. Глядь, на картине розовые линии разрисованы по чёрному, да в такие загогулины закручены, как студень из хряка Потапыча, что зарубили неудачно в прошлом году. Вот такой прямо рисунок. Жутко мне сделалось...

Игорыч перекрестился и тяпнул ещё одну рюмаху.

– Я ещё раз перекрестился и закинул обратно тряпи-

цу-то – скрыть с глаз картину. Тут из тряпки листочек сложенный выпал. Я его подхватил, развернул. И, стало быть, разглядываю. Картина, думаю, ещё одна, которую забыли-то повесить. Там отпечатки босых ножек, как на грязи, когда Петька, ваш внучок, бегал. По кругу эти следы-то и нарисованы были. А в центре кость! Тут за окном как бахнет! Дверь со страшным стуком забилась, отрываясь-закрываясь. В комнате ветра завывли, пыль подняли, да принесённым дождём меня обмочили. Стою я, как курица мокрая, и двинуться с места не могу. Страх к месту приковал, оттого что на полу проступает рисунок, что в бумажке начертан. Волосы у меня дыбом встали! Всё, думаю, поседею!

В окнах засверкало, что в глазах зарябило. Потом слышу, по полу что-то цокает. Цок-цок. Я ж как подкошенный бамс на пол. Руками голову прикрыл, но в щель между пальцами поглядываю. А ко мне от двери-то спокойным прогулочным шагом идёт коза. Белая, только на одном боку краской вымазано чёрное солнце. Вот она – цок-цок – идёт по кругу, оставленному мокрыми ступнями кем-то неизвестным. А дальше чертовщина происходить стала. Картина, что за розовым студнем висела, расплываться начала. Холмы с красными шапками острыми сделались и в небо потянулись. А в подножиях – пещера чёрная. Вот коза проходит сквозь студень и прыг в эту зияющую пасть преисподней. И тут как бабахнет очередной раз, и меня пришибло обмороком. Очнулся я только, когда бабка моя меня водой окатила. Я как подскочу,

как гляну вокруг... Следов ночного безобразия нету! И как дёру из этой деревни дал! Ну их с коллекциями ихними!

Игорыч кончил свой рассказ, вздохнул тяжело да опрокинул рюмаха. И бухнул он кулаком по стулу. Бах! Дверь в избу отворилась под грозный визг хряка, и в сени вошла задом мокрая коза с чёрным пятном, похожим на солнце. Она что-то бляела, но разобрать из-за шума грозы и дождя было сложно. Баб Маня, дед Матвей да сторож Игорыч одновременно икнули от испуга и спрятались под столом. Вот дверь захлопнулась. И перед честным народом предстала распрямившаяся крохотная старуха, замотанная в белую тёплую шаль.

– Ах ты, старая скотина! – закричала она, кинувшись на сторожа. – Я его ищу и ищу, вся вымокла. А этот бездельник по гостям ходит! У, проклятый!

Сторож Игорыч, закрывая руками голову, пустился наутёк. А за ним его старуха, цокая набойками на сапогах, гналась с метлой.

– Вот тебе и чертовщина! – усмехнулся дед Матвей.

– Говорила ж, набрешет! – посмеиваясь, ответила баб Маня, убирая со стола.

Хроники фотографии

Ольга Полякова @__e_n_k_i__

Март

Я родилась прекрасным мартовским днём, когда высокий парень с рыжей бородой достал меня из принтера и поместил в узорчатую рамку. Уж не знаю, что во мне было такого особенного, но два человеческих лица смотрели на меня с умилением. Позже мне стало понятно, что это Пит и Тори, в любом случае так они называли друг друга. Теперь я живу с ними с того самого момента, как они разместили меня над кроватью в своей маленькой квартире-студии.

Апрель-Май

Весна – потрясающая. Хотя я и не могу ощущать запахи, но комната словно преобразается с появлением в ней цветов. Их приносит Пит, а Тори постоянно их нюхает и начинает словно светиться. Любовь искрится в их глазах. Оказывается, моя история связана со свадьбой этих двоих. Моё рождение – это создание новой семьи. Разве это не символично?

Эти ребята такие внимательные друг к другу. Они заботятся друг о друге, готовят приятные сюрпризы. Тори пишет какие-то записочки для Пита каждый день и вешает их на холодильник перед уходом на работу, его это забавляет, и он

тайком собирает их в коробочку. Каждые выходные они наряжаются и куда-то уходят, но возвращаются всегда довольные и смешливые. Не понимаю, почему их друзья шепчутся и ехидничают, глядя на них. Им бы стоило поучиться взаимопониманию этой парочки.

Июнь

Эти ребята определённо мне нравятся, вряд ли где-то можно ощущать себя спокойнее. Конечно, во многом это заслуга Тори – она с усердием следит за чистотой и никогда не забывает стряхнуть с меня пыль. И откуда у неё столько энергии? Эта девочка успевает буквально всё: и есть приготовить, и на работу сходить, и убрать, и с подружками пошутиться, и йогой позаниматься (к слову, это Пит организовал ей фитнес-уголок), и мужа оставить довольным во всех смыслах.

Июль

Ужасно скучный месяц. Первую неделю метушливо собирались сумки, строились планы, а на остаток месяца я была брошена почти в полном одиночестве покрываться вековой шелухой. Единственным развлечением была Люси, которая приходила поливать цветы, постоянно болтала по телефону и иногда позволяла себе «лишнего» на диване подруги. Когда мои вернутся?

Август

Терпеть не могу вентиляторы! Во-первых, весь мусор и пыль с улицы летят прямо в меня. Во-вторых, всё внимание достаётся этой штуке. Пит чуть ли с ним не обнимается, да и Тори хороша – ухаживает за этой кучей болтов и пластмассы так, словно это сокровище.

Вообще жара плохо действует на моих сожителей. Они стали меньше разговаривать, ходить куда-то. На днях и вовсе была громкая ссора: Тори хотела приютить котёнка из приюта, а Пит ужасно разозлился. Сложно понять, чем ему мешал бы пушистый молчаливый комок шерсти, судя по тому, что говорила Тори, но парень был непреклонен. Перегнул, конечно, палку, Тори даже расплакалась. Зато следующие дни Пит старался загладить свою вину как мог, наверное, лучше обращение получают разве что королевы.

Сентябрь

Как приятно быть центром этой квартиры! Пиком уюта и концентрацией любви. Никто из гостей не рассматривает холодильник или новую вазу Тори с таким благоговейным почитанием, как меня. Естественно, плоский экран притягивает к себе больше взглядов, но именно меня хозяйева демонстрируют всем пришедшим.

Октябрь

Вот только сейчас я поняла, как сложно быть человеком.

Не уверена, что выдержала бы такое напряжение. Слишком много вещей, о которых нужно помнить, которые нужно решать. Тори иногда плачет над какими-то бумажками и карточками, жалуется по телефону подружкам, Пит пропадает в командировках и иногда возвращается домой подпитым. Мама Тори назвала это «кризисом». Иногда у меня складывается впечатление, что именно это слово написано на мне.

Ноябрь

В очередной раз убеждаюсь, что настоящая любовь преодолевает всё. Да, так говорят по этой плоской штуке, висящей на стене. Но видели бы вы, какой праздник устроил Пит на день рождения Тори, у вас бы не осталось ни одного сомнения. Конечно, и Люси ему помогала, на секунду я даже заволновалась – уж слишком много времени они проводили вместе. Они сделали коллаж из записочек Тори, собрали фотоальбом, украсили всё лентами и шариками, но самым приятным подарком стал комочек мурчащей шерсти, который Пит передал в руки радостной Тори. Разве это не любовь?

Декабрь

Я, конечно, довольна, что Тори может развлекаться с котёнком, однако шерсть, скажу я вам, раздражает побольше пыли, нет от неё никакого спасу. Полагаю, что и Пита напрягает это, потому что его придиричивость стала утомлять Тори. В порыве гнева она даже разбила вазу. Беспорядку тогда

навели они много: шум, крики, обиды. Ежедневные надписи на холодильнике не исчезли, правда, сейчас Пит их выбирает.

Да это ничего, Тори объяснила коту, что она такая нервная из-за гормонов, что их ждёт пополнение. Не уверена, что кот что-то понял, но хозяйка была так счастлива и обещала осчастливить Пита.

Январь

Не знаю, чувствуют ли люди разломы на себе... Я вот всегда знаю, когда моё стекло даёт трещину, когда видимый мною мир закрывается пятном или когда по моей раме ползёт недружелюбная муха.

Мне показалось, что Тори буквально услышала этот «треск стекла», когда увидела лицо Пита при слове «беременна». Удивительно, но они даже не скандалили. В какой-то момент мне захотелось, чтобы были крики, пусть даже бросят в меня чашкой – больно, зато не так тошно от угрожающей тишины. Скорее бы они помирились.

Февраль

Впервые я жалею, что не могу ничего сказать. Я не могла остановить Тори, когда она, заливаясь слезами, собирала сумки. Не могла сказать Питу, что он совершает ошибку, отпуская её. Не могла приказать замолчать навязчивым друзьям, наперебой твердящим: «Ты достойна лучшего», «Та-

ких, как она, миллионы». Не могла протестовать, когда Пит снимал меня с почётного места, долго держал в руках и с тяжёлым вздохом отправлял в тёмный короб. Неужели эти месяцы не имеют для них никакого значения?

И смех и грех

Екатерина Мунтян @muntyan. ka

Полуденное кафе как никогда кипело жизнью в субботний день. Почти все столики были заняты, фоном играла танцевальная зарубежная песня, а у стойки образовалась очередь из желающих сделать заказ.

– Слушаю вас, – обратился к рыжеволосой девушке кассир, обслужив предыдущего клиента.

– Мне, пожалуйста, кофе такой, который три в одном и сверху заливается взбитыми сливками, и вот это ваше пирожное, вечно забываю как оно называется, где такая кремовая жижа на гоголь-моголь похожа с фруктами.

– Один сливочный кофе и жижевый десерт? – засмеявшись, уточнил официант.

Девушка хихикнула, в секунду изменилась в лице и упала безжизненным телом. К счастью, её успел подхватить стоявший позади мужчина, и удалось избежать удара при падении.

Все переполошились, взгляд посетителей сразу обратился в сторону инцидента, кто-то вскрикнул, кто-то стал звать врача и просить воды для потерпевшей. Молодой кассир быстро среагировал, налил стакан воды и, обойдя стойку, оказался рядом с девушкой.

Он проверил дыхание, пощупал пульс. Жива, просто без

сознания. Недолго думая, он набрал в рот воды и выплюнул прямо ей в лицо. Девушка очнулась, шокированная обилием воды на лице, ничего не понимая.

– Кажется, мой юмор сразил вас наповал. Не думал, что произвожу такой ошеломляющий эффект.

Губы и глаза девушки улыбнулись и она опять потеряла сознание.

– Обещаю больше не шутить, – первое, что услышала девушка, придя в себя.

– Я бы очень вас об этом попросила.

– Неужели я настолько плох?

– Дело не в этом. Это сложно объяснить... я теряю сознание, когда смеюсь.

– Вы шутите? – засмеялся молодой человек.

– Шутите вы, а я падаю в обморок. Это болезнь, есть официальный диагноз, – ответила девушка, поднимаясь с пола и вытирая воду с лица.

– Как вы? Всё в порядке?

– Да, я уже привыкла. Обычно стараюсь сдерживать себя, но тут что-то не смогла.

– Два жижевых десерта от заведения в качестве компенсации за мой сногсшибательный юмор.

Мимика девушки изменилась, она заметно подавила импульс улыбнуться и произнесла:

– Давайте я рассчитаюсь.

– Я угощаю, но только пообещайте, что дадите свой но-

мер. Я обязан узнать о вас больше, я никогда не встречал настолько необычного человека.

– Спасибо за предложение, но не думаю, что это хорошая затея. Сколько я должна?

– Нет-нет, даже не думайте, что так просто от меня отделаетесь! Я настырный!

– Почему ты так долго отпиралась встретиться со мной?

– Потому что у этого нет смысла. Я уже через всё это проходила.

– Ты о чём?

– Свидания, попытки жить нормальной жизнью. Со мной это не работает. Я не могу сходить с парнем в кино на комедию, да и на другие жанры не могу, шутки есть и там. Не могу бездумно смотреть видео на Ютубе, во всех соцсетях у меня очень избирательная лента, где отфильтрован весь возможный юмор, хотя иногда всё же и там просачивается что-то. Хорошо, когда это случается дома, а не в транспорте или людном месте.

– Надо же, никогда не думал о таком.

– Со мной сложно, и я больше не пытаюсь никого обременять.

– А чем ты занимаешься? Ты сама живёшь? Когда и как это началось? У меня миллион вопросов!

– Я слышу. Я занимаюсь веб-дизайном удалённо и сразу поняла, что буду фрилансить, так как в офисе вряд ли уда-

лось бы оградить себя от шуток коллег, а падающий с ног сотрудник – то ещё веселье.

– Ну да...

– Живу лет с двадцати сама, родители не хотели отпускать, но я настояла. Я уже научилась заботиться о себе.

– А как называется твоя болезнь?

– Нарколепсия. Вообще это нарушение сна, но у меня нетипичная форма, при которой от смеха меня парализует или я падаю в обмороки.

– Как это началось?

– Мне было лет десять. Мы с друзьями играли с мячом, и в какой-то момент я просто упала. Все испугались, меня начали водить по докторам, периодически припадки повторялись, но прошло несколько лет, прежде чем мне озвучили диагноз. Так и началась моя кунсткамерная жизнь. Никаких компаний, отношений, поменьше коммуникаций, да и в целом всё свелось к одиночеству. Так проще.

– Весёлые компании – допустим, но что мешает тебе быть в отношениях? Если парень знает о твоей... особенности, он может просто избегать смешных ситуаций и всё.

– Дело в том, что не всё так просто. Смех – только одна из эмоций, она у меня основная, но когда болезнь прогрессирует, я так же реагирую и на другие: гнев, страх, злость.

– Забавно, есть люди, что не могут жить без ярких эмоций, а ты не можешь жить, испытывая их.

– Да, такая вот ошибка природы.

– Не говори глупостей. Никакая ты не ошибка.

– Не знаю, иногда я правда так думаю. И возвращаясь к вопросу об отношениях, как ты понимаешь, сложно не испытывать ярких эмоций, если человек тебе небезразличен. Собственно, именно в отношениях у меня всё и становилось хуже.

– То есть ты – девушка, которую убивают отношения? – он засмеялся, но быстро остановил себя. – Прости, пожалуйста.

– Да всё хорошо, не парься. Но да, в этом есть доля правды.

Чем дольше они гуляли вдоль набережной, тем большую симпатию испытывал молодой человек к девушке. Он осыпал её вопросами, она делилась. Ей не хватало простого человеческого общения.

– Я надеюсь, это не последняя наша встреча. Ты помнишь, я настырный?

– Посмотрим. Всё сложно и я не хочу усложнять ещё больше.

– Ася, – он взял её за руку, – ты тоже заслуживаешь счастья. И мы увидимся на неделе. Не спорь!

Когда Ася зашла в свою квартиру, она всё думала над его словами о счастье. Так ли это? Она давно потеряла надежду на нормальные отношения, любовь, семью. Стоит ли начинать, если все предыдущие попытки не принесли ничего, кроме горечи?

С другой стороны, перспектива состариться взаперти в этой однушке вызывала лишь апатию. Безопасную, но неприятно сосущую под рёбрами. В конце концов, жизнь одна. Может, всё же... Поток мыслей прервал сигнал сообщения от нового знакомого. Ася взглянула на экран:

«Мы много говорили о тебе, и я не упомянул одну деталь о своей жизни. Честно говоря, я не знал, как ты отреагируешь. Надеюсь, ты сейчас сидишь и воспримешь информацию максимально спокойно. Ты очень понравилась мне, и я думаю, у нас могло бы что-то получиться. Так вот, деталь. Работа в кафе – это только временное явление для стабильного дохода. На самом деле я стендап комик. Понимаю, звучит иронично. Девочка, что теряет сознание смеясь, и комик – та ещё парочка. Зато я могу тестировать на тебе, хорошая шутка или нет))) Если не упала, значит, такое)»

Ася засмеялась и рухнула на кровать.

Когда я стану кошкой

Влада Софина @sofiaspitsina

Эта чёрная падла шла за мной от самого дома. Вначале я подумал, что мне мерещится, но нет – как перебежала мне дорогу утром, так и не отставала весь день. Я сворачивал в подворотни и переходил широкие улицы, ускорялся и резко менял маршрут, но ничего не помогало. Иногда она вроде бы исчезала, но через какое-то время я снова видел то спереди, то сбоку её мелькающий, словно насмешку, чёрный хвост.

Только этого не хватало – выругался я, в очередной раз заметив на тротуаре метрах в пятидесяти знакомую тощую тень, метнувшуюся в кусты. Терпеть не могу кошек, особенно чёрных – не зря говорят, что они приносят несчастья. Может, и глупо, но я верю в приметы, тем более что в моей работе они нередко сбываются. Как раз сегодня мне предстоит операция по перехвату крупного наркодилера, за которую в случае успеха меня могут наградить и повысить в звании. Очень хотелось бы, чтобы всё прошло хорошо, но эта тварь, путающаяся на пути, постоянно сбивает меня с толку. Как бы от неё отвязаться?..

Не успел я додумать, как повернул за угол и чуть было не упал – прямо мне под ноги с истеричным мяуканьем бро-

сился стремительный чёрный клубок. Ну это уж слишком!

– Брысь! – сердито рявкнул я на неё. – Чего ты ходишь за мной, исчадь ада? А ну-ка быстро сгинула, и чтоб я тебя больше не видел!

Как ни странно, но это подействовало – кошка обиженно зыркнула на меня своими ярко-жёлтыми глазами и шмыгнула в ближайший подвал.

«Вот придурок, – думала я, обдирая морду и спину о колючие жёсткие кусты и цепляя на шерсть чертополох. – И чем я думала, когда давала это идиотское обещание? Теперь вот бегай за ним по всему городу... Хотя кто же знал, что всё так обернётся?..»

Ещё недавно я была совсем не такой. Я была красивой, молодой, сексуальной... нет, не кошкой. Естественно, человеком. Я любила брать от жизни всё, пусть даже это всё не вполне законно и вредит здоровью. Не подумайте, сама я не употребляла наркотики – слишком заботилась о своей внешности, но зато активно способствовала в этом другим. Должна сказать, что это очень доходный бизнес, и я жила, ни в чём себе не отказывая... пока в один прекрасный день не появился он и всё не испортил.

«Всем руки за голову и к стене!» – он ворвался в наш уютный притон с пушкой наперевес. Дальше я почти ничего не поняла. Помню только, что завязалась перестрелка, и мои партнёры по «бизнесу» почему-то решили сделать меня ми-

шению... Я уже было попросилась с жизнью, но он каким-то образом отбил меня у них и толкнул в кладовку, где я дождалась конца разборок. Естественно, он никого не поймал, этот глупый комиссар – мои партнёры сбежали, оставив меня отдуваться за всю честную компанию. Только я в тюрьму тоже не торопилась. Пришлось заманить незадачливого комиссара в кладовку, притворившись раненой, а потом щедро брызнуть ему в лицо газовым баллончиком. И пока бедняга неистово кашлял и матерился, я заперла дверь снаружи и приготовилась слинять.

– Эй, – донеслось вдруг из кладовки сквозь удушливый кашель. – Ты так и оставишь меня здесь? Я вообще-то спас тебя от пули. Может, сочтёмся?..

«Ага, щас, – подумала я, – держи карман шире». Открою ему дверь – и тут же загребёт в ментовку. Нашёл тоже дуру.

– Прости, дружок, – ласково ответила я. – Наверно, в следующей жизни, когда я стану... кошкой. Вот тогда, обещаю, сочтёмся!

Мне показалось, что это забавная шутка. Кто же знал, что она станет пророчеством?!

Прожила я после этого, к сожалению, недолго, а если быть точной, то минут десять. Стоило мне выйти из притона и пройти каких-то сто метров, как пуля моих бывших «друзей» всё-таки догнала меня. Уж не знаю, чем я им помешала, но они решили от меня избавиться.

Но это ещё полбеды. Угадайте, что мне сказали там, на-

верху, когда я захотела снова стать человеком?! Правильно: держи карман шире! За тобой, говорят, висит должок, и пока ты его не вернёшь, никакого тебе больше человеческого тела – будешь тем самым, кем пообещала.

И вот я в этом уродском тесном туловище, которое мне жутко давит и жмёт, несусь через весь город за горе-комиссаром, а он опять прёт как танк, на верную смерть и, как всегда, ничего не подозревает.

А ещё считает себя хорошим полицейским. Да как бы не так! Я уже чего только не делала – и под ноги ему кидалась, и из-за угла выпрыгивала, и дорогу перебежала – не знаю, как ему еще объяснить: ну не ходи ты туда, да ещё один, без прикрытия! Тебя там ждут, ты не справишься! Звание новое он хочет, геройствовать решил – тоже мне, рэмбо недоделанный!

Нет, ну вы посмотрите на него: идёт прямиком в засаду и даже не замечает наставленной на него пушки... Ну всё, дальше медлить нельзя, придётся идти ва-банк...

Я зажмурила глаза и прыгнула вперёд с истошным мяуканьем.

Я даже не понял, откуда стреляли – только услышал характерный хлопок, и в тот же момент мне на шею с диким визгом рухнуло что-то чёрное и мохнатое – чтобы тут же безжизненным комом скатиться вниз. Я понял, что это засада и, выхватив оружие, бросился в сторону, стараясь не думать

о том, что осталось красно-чёрным пятном лежать на асфальте...

Пронзительно выли сирены. Их было жутко много – казалось, сотня или две. Всё-таки пуля в кошачьем теле ощущается гораздо острее, чем в человеческом. Не могу даже мякнуть – кажется, боль заполнила меня всю до краёв, перекрыла кислород. Но так даже лучше. Я отдала долг и, значит, теперь свободна. Да ведь, комиссар? Ну что ты на меня так смотришь?..

Она лежала у меня на коленях, облезлая и тощая, истекающая кровью, с рваной раной на животе – странная кошка, зачем-то поймавшая на себя предназначавшуюся мне пулю. Чёрные лапы и хвост безжизненно повисли, но правый глаз чуть приоткрыт и смотрел совсем по-человечески, будто хотел сказать...

Ну, что ты тупишь, комиссар? Возьми свой пистолет и пристрели меня, ты же видишь – я мучаюсь. Хоть здесь не будь лузером, помоги девушке умереть. Мамочки, как больно...

Кажется, сознание оставило меня, и я уже было возрадовалась скорому освобождению, но напрасно. Открыв глаза, я по-прежнему обнаружила себя раненой кошкой, лежащей на каком-то длинном столе, а чьи-то руки в перчатках бес-

церемонно копались в моём брюхе.

– Повезло, – услышала я. – Жизненно важные органы не задеты. Сейчас пулю вытащим, зашьём – и будет как новенькая. Это же ваша?..

И знакомый голос подтвердил:

– Моя.

Э-э-э, подожди, мужик! Ты что, шутишь?! Ну зачем тебе тощая, облезлая, подстреленная кошка? И на кой чёрт мне быть твоей кошкой, если я хочу быть человеком! Эй, слышишь, мы так не договаривались!.. Ну ты и придурок, комиссар, как всегда, ничего не понял...

По мотивам песни Маши Ржевской «Когда я стану кошкой».

Коля

Алиса Аве @alisaave

Мама собирает Колины рисунки. Нужно сохранять чёткую последовательность. Коля нервничает, когда они перепутаны. Вот первый: на нём бассейн. Коле нравится плавать. Ещё больше нравится просто смотреть на воду.

– Видишь, как сверкает? – сестра болтает ногами, сидя на бортике. Белые брызги отражают солнечные лучи, превращаются в цветные. – Это так солнце делает. Красиво? Солнце тоже любит глядеть в воду. Оно видит в нём себя.

«А что видишь ты?» – вопрос повисает в воздухе. Коля не отрывает взгляда от переливов синевы. Лазурная плитка насыщает воду цветом. Сестра обнимает Колю, он отстраняется. Почему-то её голос пробирается в него, он отмахивается. Сестру он слышит даже когда она молчит.

– Коля, может, хочешь поплавать?

Он отворачивает голову. Кажется, ещё чуть-чуть и голова сломается, вывернется с хрустом. Это значит: «Ты мешаешь». Мешаешь погружаться в только ему ведомую глубину.

– Пожалуй, нырну.

И сестра ныряет. Брызги падают на лист бумаги. Коля хмурится. Достает чистый, начинает рисовать. Восковые мелки: синий, красный, зелёный, жёлтый. Четыре цвета,

которые Коля выбрал. Прямоугольник. Синий-синий. Жёлтые полосы. Солнце отражается. Коля рисует бассейн. Берёт красный. Закрашивает воду. Быстро-быстро. Сестра плывёт от стенки к стенке, цепляет рукой дно. Выныривает и опять. Коля заполняет синий красным. Получается фиолетовый. Ещё зелёный, гуще. Почти чёрный, но не совсем.

Пузыри поднимаются к поверхности. Солнце нагревает воду. Коля откладывает мелки. Двумя пальцами подцепляет ластик. Мелки плохо стираются, он отчищает лишь маленькое окошко в черноте. Затем осторожно спускается по ступенькам в прохладу бассейна. Он хорошо плавает – мама водила на специальные занятия.

Вода похрустывает, звенит от широких взмахов рук. Графин с лимонадом тоже звенит. Жёлтые лимоны, зелёная мята. Мама кричит. Сестра колыхается лицом вниз в дальнем углу.

Мама ахает, перелистывает. Коля сидит за своей партой у окна. Вот второй рисунок: опять сестра. Выше, в волосах, зелёные полоски. Рядом шприц. Коля знает, что такое шприц. Медсестра приходит через день. Сестра приводит чужого в комнату Коли. Они выдыхают слова. Они горячие. Няня гремит на кухне. Папа на работе. Мама красит ногти у соседки.

– В другой комнате? – чужой тычет в Колю пальцем.

– Дурак... не понимает, – голос сестры больше не трево-

жит Колю. Теперь он доносится гулом будто из-под воды.

– Смотрит... – Коля повторяет окончания шумных предложений. Коля – эхо.

– Внимания... – машет рукой сестра.

Он устаёт от их жара. Сестра не любит смотреть его рисунки. Бассейн же её не заинтересовал. Просто не хватило дыхания. Хорошо, вовремя родители подросли. Нарисованный шприц она тоже игнорирует. Она же хорошая, а шприц принесёт этот чужой.

Мама плачет. Папа ломает мебель. Няня шепчет в телефон:

– Передозировка.

Коле нравится повторять длинные слова.

Мама гладит пальцем жёлтый шприц. Пачкает рисунки слезами. Вот третий: Коля, няня и папа. Коля – за синим столом, один. Сестра не мешает. Няня держит большой торт, зелёный в жёлтых кремовых цветочках. Раз, два, три... тринадцать свечей. Папа держит большой красный нож.

Папа говорит быстро и громко. Машет руками. Коля сидит в углу. Повторяет папины слова, только последние.

– Не могу... Терпел... Есть конец...

Потом шёпотом, но Коля слышит:

– Убил... ты...

И очень высоко, как комар:

– Не замечаешь!

Мама отвечает спокойно. За ней Коля не хочет повторять. Она не надоедает. Её вмешательство ограничивается поцелуем в лоб, сказками на ночь, едой и походами туда, где пахнет кислым онемением. Там все похоже на Колю. Там Коля видит других, а другие – его. И вместе они видят мир, в который так стремятся влезть папа и няня. И сестра... раньше. Стены там белые, на них можно рисовать. Рисунки не стирают. Колю хвалят: он нарисовал себя. На глазах повязка, вокруг головы множество людей. Они летают, крылья раскрыты.

– Талант, – твердит Коля за человеком, таким же белым, как стены.

Коля добавил к крылатым сестру. А теперь старательно перерисовывает папу и няню. Он носит домашние рисунки с собой, мама купила прозрачную папку, пронумеровала в правильном порядке листы. Коля достаёт нужный не глядя. Недоеденный торт в холодильнике. Красный нож под столом. Няня тоже. Папа в своей комнате готовится полететь. У крылатого папы на шее будет хвостик от шарика. Шарик рвётся вверх. Мама закрывает Коле глаза рукой, чтобы не видел качающегося под потолком папу. И няню в красной луже.

Мама отвечает папе:

– На все четыре стороны... няньку свою прихвати...

Коля не повторяет, но запоминает.

Ещё один рисунок падает на пол. У мамы дрожат руки.

Коля искося наблюдает за сборами. Он поглощён чистым листом и четырьмя восковыми мелками. На рисунке Коля и мамин новый друг. Он появляется, когда в дом перестают ходить чёрные люди в длинных платьях. Они машут дымящимися штуками и странно кивают на Колю. Их Коля не рисует. Чёрный мелок он никогда не выбирает.

Друг мамы приносит подарки: цветы и конфеты. Для Коли тоже – конструктор. Мама моет Колю на ночь и повторяет, что друг добрый. Но на рисунке он злой. Он бьёт Колю. Коля лежит у края листа. Лицо: красный плюс синий – фиолетовый.

Мама замазывает Колину щёку мазью «Синякофф». От неё жарко, Коля чешется. Мама отстраняет его руку, целует в ладонь.

– Больше никогда, – повторяет Коля за ней.

Новых друзей у мамы нет.

Мама перелистывает рисунки. Собака и колесо велосипеда. Рекс ещё щенок, лает звонко, трётся мокрым носом, всё слюнявит. Рыбки на полу, они скучные. Соседка смотрит в окно в запёртом доме. Позади неё огонь. Всё же красный Коля выбирает чаще остальных.

Мама пихает листы в папку. Мнёт.

– Пойдём. Нас ждут.

Мама везёт Колю к белым стенам. Хочет его оставить. Хочет быть совсем одна.

Новый рисунок у Коли в кармане. Аккуратно сложенный. Со стены стёрли его и крылатых людей. Ничего, он нарисует новых. Дети окружают его. Он отвечает на их взгляды: не прячется, не косит глаза. Показывает: мы можем так. Разве вы не знали? Они всё видят. Колин мир проникает в их миры.

Мама берёт протянутый рисунок, не раскрывает.

– Навещать, – повторяют все дети.

Мама уходит. Коля решает, что у первого крылатого будет мамино лицо.

Внизу визжит машина. Удар слышен во все окна. Белые люди бегут на помощь, им это положено. Если Коле ещё кто-то помешает, он нарисует. То, что хочет. И оно наступит.

Второе дыхание

Екатерина Ломоносова @privet__alisa

Свет. Слишком много света. Фары грузовика на встречке. Я знаю наперёд, что произойдёт. Всегда знаю. Резкий удар. Взрыв. Ещё один. Поток огня.

Эта авария будет моим последним воспоминанием. Нашим. Рынок – и всё закончится. Покой.

38 лет. Любить. Прощать. Ненавидеть. Гореть. И хранить Его секрет. Ведь только мы вдвоём знаем, что случилось много лет назад с той девчонкой со смешными веснушками. Больше никто.

Я всегда предугадываю, предчувствую. Всегда на шаг вперёд. Кроме того единственного раза. Невозможно поверить, что Он так поступил. С девчонкой, с мечтами, со своим будущим. Что мне не удалось помешать.

Такие вещи ведь не происходят в один момент. Нельзя взять и убить человека. Даже в состоянии аффекта. Десятки переплетённых привычек, слабостей, мелкие фрагменты дней. Они годами выстраиваются в ряд, незаметно, будто случайно. А потом словно детали домино, падая, задевают друг друга. В секунду разрушая бережно созданную жизнь. Где же, где же они таились, как остались невидимыми для меня?

Что превратило счастливого мальчишку в убийцу? Обычного ребёнка из любящей американской семьи. Детство на велосипеде, друзья, пикники на дереве, светлячки в банке. Где и когда зародилось зло?

Её тело не нашли. Девчонки с веснушками. Никто не узнал, что тогда случилось. Тайна осталась на дне нашей памяти.

Я – сердце убийцы. На мне клеймо. Я живу в тени, в вечном полумраке. Я изгой в мире сердец. Они ведь всё знают, эти другие сердца. Читают меня. И оглушают своим молчанием.

Нет мне прощения. Нет даже права на страдание, лишь на вечное раскаяние. Осталось недолго. После такой аварии – максимум пара часов. И покой. Я жду его.

Свет. Слишком много света. Прожекторы. Спасатели. Я не люблю такой резкий свет. От него никуда не спрячешься. Он достаёт тебя из самых глубин.

Спасатели проверяют пульс. Всё кончено, ребята, дайте нам уйти. Вынимают из кармана документы.

– Он донор.

Свет. Снова слишком много света. Операционная. Моё проклятие настигло меня. Мне дадут второй шанс. Я смогу дать второй шанс. Вот той молодой девушке с золотыми волосами. У неё тоже веснушки. Какой злой рок.

38 лет. Каменеть. Кровить. Замирать. Биться. Изнывать. Рваться на части. И вдруг вторая жизнь в новом человеке. Ещё годы и годы мучений, заточения в стенах собственной памяти.

Какая длинная операция. Меня сжимает латексная перчатка врача. Я больше не часть Его тела. Вдруг всё проясняется, выстраивается, тайн больше нет. То, что годами не получалось рассмотреть в нескончаемом потоке вины. Теперь я наконец вижу их, зашитые в нити судьбы части пазла. Фигурки домино.

Первая

Физкультура. Чёртовы прыжки в длину. Никак не удаётся приземлиться у нужной отметки. Отличник, спортсмен. И вдруг такая неудача. Смешки девочек за спиной. Третья попытка. Четвёртая.

Краснолицый учитель теряет терпение:

– Ты что, не можешь допрыгнуть до этой линии?! А ну, давай! Разозлились, чёрт возьми! Разозлились же!

Вспышка. Прыжок. Приземление. Да! Получилось.

Вторая

Комод придавил малютку Мэри. О господи, где же мама?.. Держись, сестричка. Какой тяжёлый. Никак не поднять. Не плачь, маленькая. Куда подевались родители?.. Разозлиться. Нужно просто сильно разозлиться. Очень сильно.

Давай же, ну!

Вспышка. Рывок. Удалось. Всё теперь будет хорошо.

Третья

Первый раз. Боже, какой позор. Она же потом всем расскажет в школе. Этот унижительный смех:

– Если у тебя не получается, я пойду домой.

Разозлиться. Сильно разозлиться.

Вспышка...

...

Последняя

Девчонка с веснушками:

– Теперь ты для меня никто, слышишь? Не смей больше никогда прикасаться ко мне. Ненавижу, как же я ненавижу тебя!

Вспышка. Вечное проклятие.

Меня все ещё сжимает латексная перчатка врача. Урони меня, урони же. Отпусти, не дай попасть в новое тело. Молю, отпусти меня! Так много боли. Так много вины. Сколько их было, моментов ярости, и каждый создавал новый. Мне не удалось Его уберечь, удержать, спасти.

Как же часто мы не замечаем крика, молчаливого крика тех, с кем делим жизнь. Не вглядываемся в них, пропускаем тревожные знаки. Остаёмся слепыми, пока не случается

непоправимое.

Жить там, где билось другое сердце. Светлое и чистое. Пусть больное. Занимать место, которого недостоин. А девушка на соседнем операционном столе? За что такое ей? Вечное молчание, презрение других сердец. Потому что в её груди теперь буду пульсировать я.

– Соединяем сосуды.

Нужно помешать. Не позволить этой девушке лишиться тепла, тоже жить в тени. Просто не забиться, нужно просто не забиться в её груди.

– Ну же, давай. Запускайся. Ну же. Дефибрилятор! Разряд!

Покой. Покой уже близко. Скоро всё закончится. Я исчезну. Пронзительный длинный звук аппарата. Долгожданный.

– Остановка.

Какой яркий свет! Сколько света! Восход. Лучи солнца заполняют палату. Как он прекрасен! Я так люблю свет!

Женщина с брошкой в седых волосах. Она плачет. Её сердце говорит со мной. Меня любят. Это, наверное, мама. Первой в мире тебя ведь всегда встречает мама.

Почему не слышен плач?.. Младенцы же плачут. Я ведь в теле младенца, как и должно быть? Чистое новое сердце, без шрамов, без памяти. Начало начал.

Нет, странно, но это не тело младенца. Девушка. Я бьюсь в груди девушки с золотыми волосами. И веснушками. Вес-

нушки – это очень красиво.

Так много любви вокруг. Как мне повезло! Меня любят.
Я люблю. Это будет прекрасная жизнь.

Марфин корень

Елена Калинина @ellen_write

Бабушка снова крадёт святую воду. Соня даже не гадала о причине звонка от отца Еремея. Увидев имя на экране, она сразу поняла, что речь пойдёт о любимой бабуле, эксцентричной чудачке, которая её растила. Девушка огляделась, ища возможность отвертеться от разговора со священником. Телефон бешено затрясся снова. Она смиренно нажала кнопку:

– Здравствуйте, отец Еремей. Как приятно вас слышать! – выпалила она, подумав, что эта ложь обойдётся ей в пару лишних месяцев в чистилище. – Как поживаете?

Но священник сразу приступил к делу:

– Соня, она опять за своё!

– Откуда на этот раз?

– Из купели! Почти всю вычерпала!

Марфа Никитична уже трижды покушалась на купель, точнее на её содержимое, но отец Еремей ловил с поличным и отправлял домой. Батюшка был добрым человеком, спокойным, неторопливым, с отличным чувством юмора.

– Мне так жаль, я прошу за неё прощения, – пробормотала Соня, перебегая дорогу от здания общественного центра, где работала на полставки, к парковке. – Вы же знаете, на-

сколько она... – она замолчала, подбирая слова, чтобы описать бабушку.

– Упряма? – подсказал голос в трубке.

– Да. Но ведь она милая, добрая женщина...

Игнорируя её, батюшка продолжил:

– Невыносима? Суеверна?

– Да, но...

– Ты должна поговорить с ней, дочь моя.

– Обязательно.

– Сегодня, Сонечка, – настойчиво произнес отец Еремей.

Похоже, это ещё не всё.

– Вы мне не всё рассказали, верно? – затаив дыхание, она открыла водительскую дверь и застыла в ожидании ответа.

Батюшка помедлил, но всё же признался:

– Твою бабушку арестовали! – быстро выпалил священник.

Соня плюхнулась на сиденье. Ноги больше не держали её.

– Вы что, заявили на неё? – прошептала она еле слышно.

– Что ты! Конечно, нет! Но её поймала Авдотья Трофимовна, когда она везла в тачке свою добычу, и вызвала участкового... – оправдывался бедняга.

«Ууу, мегера злобная!» – подумала девушка.

– Отец Еремей, так ведь об их вражде весь посёлок знает! Зачем же Петрович...

– Да не Петрович. К нам из города нового участкового прислали. Вот и увёз её новичок. Для разбирательства, –

смущённо произнёс батюшка. – Я пытался ему объяснить, но Марфа... Она на Авдотью-то тачкой наехала да синяк ей под глазом поставила.

Соня упёрлась лбом в руль и постаралась медленно и глубоко дышать. Помогало не очень.

– Я приеду через час. Спасибо, что позвонили.

Соня обожала свою хитрую, умную и смелую бабушку. После гибели родителей перепуганная семилетняя малышка оказалась на попечении Марфы Никитичны. Правда, для этого той пришлось выдержать нешуточную борьбу с органами опеки. Вредные, пахнущие хлоркой тётки два года подряд являлись с внеплановыми проверками в их дом, и каждый раз Соня тряслась от страха, что бабушка всё-таки достанет дробовик, как она не раз грозилась.

Машин на шоссе было мало. Значит, в пути будет возможность подумать, как уговорить полицию отпустить бабушку-рецидивистку домой.

Глеб Остроумов устало откинулся на спинку хлипкого офисного кресла и потёр переносицу. Кто бы мог подумать, что после десяти лет службы в спецподразделении, он окажется в деревне и будет всерьёз расследовать дело о краже святой воды из церкви?!

Всё, что он смог понять из перепалки двух старых перечниц, что история эта давняя и вражда между дамами древняя. Допрос провести не удалось – как только начинала го-

ворить одна, вторая тут же подхватывала, начинался бедлам и пенсионерки снова сходились врукопашную. Ему пришлось развести их по двум максимально удалённым друг от друга камерам. Глубоко вздохнув, Глеб помассировал лоб. Голова гудела, спину ломило. Он потянулся, стул жалобно закрипел – мощное, тренированное тело участкового грозило безвременной кончиной допотопному предмету мебели. Снаружи послышался шум, дверь участка распахнулась.

– Где она? – на пороге нарисовалась рыжеволосая худенькая девица в смешных круглых очках. Глаза её пылали праведным гневом. – Где моя бабушка?

Глеб вышел из-за стола и сделал шаг навстречу посетительнице.

– А вы, собственно, кто?

– Софья Ковалевская. Моя бабушка Марфа... – начала было рыжая, но ухмылка участкового её остановила. – Что смешного?

Глеб честно старался сдержаться.

– Нет-нет, ничего, продолжайте. Ваша бабушка...

Соня с подозрением поглядывала на огромного, по-военному стриженного мужчину. Кажется, у них с бабулей проблема. Этот на уговоры вряд ли поддастся.

– Марфа Никитична Удадь, моя бабушка. Вы её арестовали.

– Соня, это ты? – послышался громкий голос Марфы из-за железной двери в конце коридора. – Внучка, скажи этому

сатрапу, что я ни в чём не виновата!

– Да, бабуль! – от громкого вопля Остроумов вздрогнул. Надо же, такая кроха, а шуму, как от гранаты.

– О! Явилась не запылилась! – подала голос Авдотья.

Рыжая удивленно вытаращила глаза.

– А она-то тут что делает?

– Обе задержаны за нарушение общественного порядка, – пожал плечами Глеб.

– То есть святая вода ни при чём?

– Отец Еремей о краже не заявлял. Дамы задержаны за драку. Может, вы сможете разобраться? Я чувствую, история будет почище вражды Монтекки и Капулетти, – усмехнулся участковый.

– Да всё из-за пионов! – устало проговорила девушка. Она обошла стол и нагло плюхнулась в его кресло. Глеб растерянно улыбнулся, но промолчал. Он взял стул для посетителей и сел на него верхом.

– Давайте подробнее.

История о ежегодном фестивале пионов заняла минут десять. Глеб с невозмутимым выражением лица слушал, как три года подряд пионы Марфы Удаль занимали первое место и как пыхтели в негодовании конкурентки. Особенно Авдотья. Но с позапрошлого фестиваля ситуация стала меняться в корне. Клумбы Сониной бабушки стали хиреть на глазах. Как старушка ни билась, растения гибли. А в этом году они даже не взошли. А за забором Авдотья Трофимов-

на громко хвасталась соседям своим палисадником. И действительно, участок был похож на крошечный уголок рая – пышные разноцветные клумбы, сочные оттенки всех видов зелени и мерное гудение упитанных шмелей (даже они были как с картинки).

Софья Ковалевская облокотилась на стол и подперла голову сжатым кулачком. Очки лукаво сверкнули.

– Гражданин начальник, давайте мы их отпустим, а? – устало попросила она.

– Мы? – поднял бровь Глеб.

– Ну вы, – махнула рукой девица. – Ну что вы в самом деле? Какие из них преступницы?

– Вот пусть они сначала расскажут как дело было, а там и решим, – постановил участковый. Он вышел и через несколько минут вернулся с заметно присмиревшими нарушительницами.

Марфа, увидев по-хозяйски рассевающую Соню, приободрилась и бросила хитрый взгляд на хмурого служителя закона. Он сделал вид, что не заметил.

– Глеб Егорыч, а вы что, своё место всем уступаете? – подковырнула старушка. Глеб почувствовал, как загорелись уши.

– Только рыжим красавицам, – он подмигнул Марфе и повернулся к Соне. Та, совершенно не смущаясь, отодвинула кресло, будто собираясь встать, но вместо этого задрала длинные ноги на стол.

– Тогда я устроюсь поудобнее, – заявила она, вызвав у Остроумова приступ смеха. Все трое удивлённо уставились на него. Улыбка изменила суровое лицо, смягчила черты, он даже показался красивым. Соня минутку полюбовалась участковым, а потом спросила:

– На кой тебе вода-то святая понадобилась, ба?

– А я видела, что эта негодяйка святой водичкой свой сад поливает! Ей можно, а мне нет? – Марфа сверкнула глазами на хранящую гробовое молчание противницу.

– Вот что, дамы! Предлагаю всем отправиться по домам. А я вас провожу, чтобы не набедокурили снова, – резюмировал Остроумов. – А вы, Софья, завтра пойдёте со мной на свидание! И тогда я не стану делать запись о приводе вашей бабушки.

– Милок, да этими записями можно весь ваш санузел обклеить и часть коридора, – доверительно прошептала ему Марфа. Глеб растерянно моргнул.

Соня сняла ноги со стола, встала, подошла и смерила его оценивающим взглядом.

– Договорились!

До дома добрались мирно. Глеб помог выйти Авдотье, та поспешно скрылась за своей калиткой. Он подошёл к соседней. Низкий заборчик не скрывал запустения царящего на половине участка, примыкающей к соседскому забору. На голой земле не было ни травинки. Глеб почесал затылок. Взглянул на Марфу с внучкой и спросил:

– Вы же знаете, что земля отравлена, да? Кто-то полил её гербицидом.

Марфа молча развернулась и направилась в дом.

– Бабушка, нет! – Соня бросилась за ней. Остроумов по-топал следом. На всякий случай. А случай представился отменный. Войдя в дом, он застал Марфу со старым дробовиком в руках. Насилу успокоили и отговорили от кровной мести.

После долгого разговора с участковым полная искреннего раскаяния Авдотья принесла соседке трубку мира в виде десяти кустов пионов лучших сортов и помогла разбить новые клумбы.

Свадьбу играли всем посёлком ровно через год. Церемонию проводили во дворе дома бабушки невесты, посреди благоухающего цветника.

Приёмная

Юлия Яшина @yashina. yuliya91

Семён оглядел помещение, в котором находился. Стены, пол и потолок были до головокружения белые. Источников света в комнате не было, но этот белый цвет слепил глаза. Такое ощущение, что ты болтаешься в воздухе. От этой мысли Семёна почему-то передёрнуло, и он уставился под ноги. «Босой», – удивлённо заметил мужчина. Он приподнял руки, разглядывая теперь себя. «Платье? Серьёзно?» – Семён нахмурился и постарался вспомнить, когда надевал его и зачем. Никаких объяснений наряду не нашлось, как, собственно, и этой комнате, от которой, честно сказать, уже подташнивало. «Никогда не любил белый цвет», – почему-то подумал он вдруг.

– А какой любил? – вопрос прозвучал в его голове чужим голосом.

– Оранжевый, – ответил сам себе Семён вслух.

– Почему ты тогда не в оранжевом платье? – спокойно спросил голос.

– Не знаю... Может, потому что было только это...

– В чём-то ты, может быть, прав.

Семён напряжённо поджал губы: «И всё-таки какого чёрта я в платье?»

– Тсс... Не ругайся... – прошептал голос так тихо, что аж жутко стало.

Мужчина ещё раз оглядел комнату. «Странное место. Когда я сюда пришёл?»

– А куда ты вообще шёл? – опять послышался голос.

– Я не помню... – Семён звучал так чисто, собственный голос успокаивал его.

– На работу! – вдруг вспомнил он. – Мне нужно было на работу.

Семён работал бухгалтером в строительной компании. Работал, можно сказать, за всех, незаменимый человек. Настолько незаменимый, что не заменялся ни разу за год. Выходные, которые совпадали с выходными жены, он проводил, зарывшись в бумагах, сводя бесконечные дебет с кредитом.

На секунду вспыхнул яркий свет. От неожиданности Семён зажмурился и, потеряв равновесие, упал. Космическая тишина пронзила комнату. Уши заложило. Он открыл рот и крикнул что было сил. Но никакого звука из горла не вырвалось.

– Посмотри в окно, – раздался шёпот, который до ужаса испугал Семёна.

– Но здесь нет окон, – ответил мужчина и вмиг очутился напротив большого окна в белой раме.

За ним была привычная картина, которую он каждый день наблюдал из своего кабинета в своём большом доме. Здесь

он вырос. Семён смотрел на жену, которая сейчас поливала цветы в их саду.

– Она зовёт тебя... – голос прозвучал так, будто кто-то быстро прошёл за его спиной.

Семён обернулся, белые стены исчезли. Он стоял в своём кабинете, одетый в чёрные джинсы и синюю рубашку. «Я дома, – облегчённо выдохнул он. – Отчёт, нужно дописать отчёт». Мужчина сделал шаг к своему столу, и спящая вспышка снова сбила его с ног.

– А как же она?

– Ольга? Она знает, что работа – самое важное, что у нас есть. Я зарабатываю для нас. Мне важно дописать отчёт. Она всё понимает. Мне некогда любоваться её садом.

– Тише... – голос как будто прошёл сквозь него. Семёна снова передёрнуло. – Слышишь?

Он прислушался. Сквозь давящую тишину плакала женщина.

– Загляни в окно...

Теперь он стоял снаружи дома и смотрел в свою спальню. В комнате было темно. Его жена свернулась в постели, обняла свои колени и тихо плакала. А рядом с ней спал он.

– Почему она плачет? – спросил Семён вслух.

– А разве ты не знаешь? – прошипел голос.

Плач Ольги становился всё громче. Он заполнял тишину и зловещим гулом надвигался на Семёна. Мужчина зажал уши ладонями, не желая слышать эти жуткие стоны.

– Прекрати! – не в силах больше это терпеть, прокричал он.

Вспыхнул яркий свет, и Семёна, словно ударом в грудь, откинуло от окна. Он открыл глаза: «Что за странное место?»

– Посмотри в окно, – будто дежавю раздался голос.

– Здесь же нет... – не успел закончить Семён, как белые стены исчезли. Он стоял за окном своего кабинета и смотрел, как они с Ольгой ругаются.

Мужчина смотрел на себя со стороны и не мог понять, что с ним происходит. Почему он видит себя там, когда стоит здесь? Жена бегала вокруг него, плакала и говорила что-то, вероятно, очень важное, а Семён смотрел куда-то сквозь неё, размахивал бумагами и возмущался, что она мешает ему сосредоточиться.

– Может, лучше поехать в офис? – шепнул голос.

Семён тут же вскочил, оттолкнул жену, собрал бумаги и вышел из комнаты. Ольга швырнула стакан в стену, и Семёна словно ударом тока бросило в белую комнату. Свет стал ещё ярче. Мужчина зажмурился так, что глазные яблоки кольнуло. Перед глазами отчётливо мелькнул руль, дорога и огоньки уплывающих фонарей. Разряд молнии и снова голос в тишине:

– Как думаешь, поймёшь, как надо?

Семён резко открыл глаза. Он стоял в центре белой комнаты. «Какого чёрта я в платье?»

– Тсс... не ругайся... – шепнул голос в его голове.

Семёна посетила странная мысль, что он это уже слышал, причём не один раз. Он оглядел белую комнату и улыбнулся:

– Прикольно было бы, если платье было оранжевое.

– Наверное, но здесь только такое...

– По-моему здесь было окно?

– А ты хотел бы увидеть что-то важное?

– Хочу увидеть дом и улыбку Ольги, она удивится, что я в платье.

– Тебе понадобилось три раза, – голос разлетелся по комнате и, отразившись от белых стен, прошёл сквозь Семёна тысячей мелких иголок. Сердце кольнуло, и ещё один разряд вытащил его из пустой белой комнаты...

Несмотря ни на что

Анна Konstantin @hear_theheart

Воспоминания о ней жили ровно год. Год её жизни. Пугающая правда о жизни Веры, которая обрастала новыми правилами. События двенадцати месяцев проскальзывали, как горячий обжигающий песок по окончанию года между пальцев. Она ранилась, но всё равно задерживала крупинки прожитых мгновений.

«От боли не умирают, но разве сердце с каждым годом не болит всё сильнее?» – думала девушка каждый раз, когда люди по бою часов про неё забывали. Она смотрела, как происходило обнуление её существования в архивах памяти знакомых, и на следующее утро брала блокнот и записывала в него новое правило:

П1. О тебе помнят только те, кого обнимешь в свой день рождения.

П2. На фотографиях и видео вместо тебя будет размытая пустота.

П3. Не привязывайся ни к кому.

П4. Ищи варианты для работатть наперед.

П5. Смирись.

П6. Не борись.

П7. Разучись любить.

П8. Весь мир против тебя.

П9. Ты одна.

П10. Если ты не найдёшь причину прожить год, ты знаешь, где смерть ждёт тебя.

Вера захлопнула блокнот, бросила его обратно в сумку у ног. Шестого июня в парке безлюдно. Лёня бежал к ней, держа в руках четыре стаканчика с горячим чаем. Поставил всё на скамейку и обратно убежал к ларьку за сладким. Вернулся, достал пирожное и извлёк из кармана пиджака свечку.

– Где мои восемнадцать? – девушка рассмеялась.

Лёня виновато пожал плечами, молча уселся рядом. Он пальцем определил температуру воды – горячо.

– Трудно вернуться сюда? – Лёня сверил часы, у них меньше получаса до времени X.

– С тобой легко.

– Как родители?

– Не помнят.

– А что на работе?

– На всех как обычно.

Вера отвечала на вопросы, не вдаваясь в подробности. Родители из-за непогоды задержались на её шестнадцатилетие и, прилетев в аэропорт, прошли мимо встречающей дочери. В семнадцать она не только пропустила школьный выпускной, так ещё и пришлось красть аттестат для поступления в вуз. Каждый год она переводилась в новый институт, экзамены сдавала заочно весной, и каждый год – новая рабо-

та. У неё нет семейных фотографий, она невидимка на всех кадрах, нет ни одного видео с ней. Вера делала фотографии белого пластика с чаем, пирожного с цифрой восемнадцать, смеющегося Лёни – камера смартфона срабатывала идеально. Но стоило развернуть фронталку на себя – и снова пустота на экране.

– Всё будет хорошо, – приобнял её Леня. Спутник её дней рождений последние десять лет.

– Устала так жить. А жива ли я? – вдруг она спросила. – Если при жизни обо мне никто не помнит, что будет, когда умру? Где доказательства моего существования?

Лёнька подскочил с чаем.

– Хочу сказать тост. В мир мы не приходим одни. Где-то живёт тот, кто будет помнить тебя всю жизнь, несмотря ни на что. Пусть встреча произойдёт в год твоего двадцатилетия.

Ленька заготовил искренние пожелания до вечера, только на неожиданный сигнал часов его улыбка пропала, он бросился вперёд, но не успел. Доля секунды, и он неуверенно огляделся, не понимая, как очутился в городе детства, что он делал в парке и почему на него испуганно смотрела и одновременно плакала незнакомая девушка.

– Вам плохо? – участливо спросил он Веру. Девушка отрицательно покачала головой, вытерла слёзы и поспешила в никуда, оставляя ещё одного важного человека за спиной.

Вера не помнила, как поднялась на смотровую площадку

небоскрёба. У лифта она купила мел и грифельную доску. Она написала фразу и попросила девушку рядом её сфотографировать. Она встала напротив заката, держа в руках послание перед собой. Несколько кадров и знакомое недоумение у фотографа.

– Что-то не так с телефоном, – сказала она, возвращая в руки Веры смартфон. – Давайте на мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.